

ЛЮМЕНТО

ПРЕДЕЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВАДИМ МАРТОВСКИЙ

18+

ЛЮМЕНТО

Вадим Мартовский

Люменто. Предел

«Автор»

2026

Мартовский В.

Люменто. Предел / В. Мартовский — «Автор»,
2026 — (ЛЮМЕНТО)

Город научился измерять счастье в процентах, а боль — в допусках. Когда система Люменто показывает: старые тюрьмы слишком дорого обходятся индексу, Архитектор предлагает простое решение — вынести «опасных» за пределы. Так появляется Предел: гигантский фильтр на месте карьера, куда вместе с преступниками свозят мусор, списанные модули и тех, кого город больше не хочет видеть. Инженер Мастер проектирует эту машину как средство локализации боли. Люменто обещает рост индекса, графики выглядят идеально — пока Предел не начинает жить собственной жизнью. Под тусклым куполом рождаются свои правила, властители воды и еды, свои рынки и легенды. Сверху всё выглядит «в пределах нормы», снизу каждый глоток воды и шаг к Срезу может стать последним. Это самостоятельный роман во вселенной «Люменто» — история появления Предела, места, из которого по протоколу «ничто не должно вернуться». И один вопрос: можно ли спрятать боль так глубоко, чтобы она действительно исчезла?

© Мартовский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вадим Мартовский

Люменто. Предел

Глава

ЛЮМЕНТО. ПРЕДЕЛ

Глава 1.

Предел придумали как место, о котором удобно забыть.

В протоколах он значился сухо: «единый контур изоляции для лиц, признанных источником необратимого вреда». На городских панелях его показывали маленьким серым пятном за чертой, рядом с пометкой «перепрофилируемая зона». В новостях говорили ещё проще: «гуманная ликвидация устаревших тюрем».

На закрытом заседании слово «гуманная» прозвучало раз десять. Слово «свалка» — ни разу.

Архитектор смотрел на карту города как на схему кровеносной системы. Светлые линии магистралей, мягкие пятна жилых массивов, зелёные острова парков. В правом нижнем углу — пустой, выжженный сектор старого карьера, помеченный жирным серым контуром.

— Здесь, — сказал он, обведя палец по серому пятну. — Вне рабочего тела города. Вне видимости.

За его спиной висел ещё один экран: индикатор нового индекса. Узкий столбец, почти полностью залитый красным, на самом дне которого прятался тонкий зелёный сегмент.

ИНДЕКС СЧАСТЬЯ ГОРОДА: 1,0%

Цифра была честной до оскорбления. Люменто только запустился; данных было мало, привычек — ещё меньше. Люди продолжали жить, как жили, просто теперь кто-то аккуратно собирал их боль в таблицы.

— Мы не сможем долго держать старую пенитенциарную систему рядом с новым контуром, — говорил представитель юстиции, перелистывая слайды. — Десять учреждений, восемь тысяч человек. Пожизненные, особенно опасные, те, кто вышел, вернулся и снова вышел из-под контроля. Каждая такая точка — всплески страха, агрессии, соматических реакций. Люменто показывает...

Он кивнул на столбец.

— ...что одни только новости о побегах и бунтах, даже без реальной угрозы, снижают индекс почти на полпроцента.

Полпроцента выглядели смешно, пока на экране не показали динамику. Красный фон, зелёный язык, который пытался оторваться от нуля и снова проваливался вниз при каждом «резонансном событии»: убийство, судебный процесс, утечка видео из колонии.

Архитектор постучал пальцами по кромке стола.

— Мы снова обсуждаем симптомы, — сказал он. — Тюрьмы — это не архитектура и не мораль. Это вибрация. Постоянный фон угрозы. Пока они внутри ткани города, индекс будет плясать, как ему вздумается.

В углу стола сидел Мастер — пока ещё просто инженер по инфраструктуре. Он разглядывал не карту города, а другой экран — схемы энергопотребления, распределение сетевых каналов, графики аварийных отключений.

Предел на этих графиках ещё не существовал. Там была пустота.

— Вы предлагаете вырезать все тюрьмы из карты? — уточнил юрист. — Перевести людей куда? В вакуум?

— Нет, — сказал Архитектор. — Я предлагаю вынести функцию удержания за пределы общей системы.

Он увеличил серый сектор.

— У нас есть старый карьер, старые промзоны, контур бывшего полигона. Можно собрать всё в один кластер. Логистика проще, контроль проще, шум — локализован.

— И выбросить туда всё, что портит картинку, — тихо заметил Мастер, не отрывая взгляда от цифр.

Архитектор перевёл на него глаза.

— Вы же сами говорите о шуме, — продолжил Мастер. — Любой инженер знает: если вы не меняете источник, а только отодвигаете его подальше, вы не решаете проблему. Вы просто перестаёте её слышать.

— Мы меняем контур, — мягко сказал Архитектор. — Старые тюрьмы — это разрозненные, плохо управляемые системы с разной дисциплиной и уровнем коррумпированности. Предел будет единым объектом. Одной машиной.

Он опять ткнул в индекс.

— Люменто показывает: концентрация тяжёлых случаев в одном контуре снижает фоновый уровень страха и агрессии в остальном городе. Да, цена концентрируется там. Но мы не делаем вид, что можем её обнулить.

Мастер перелистнул свои графики. На карте энергосистемы густо светились жилые районы, промышленные кластеры, магистрали. Серый сектор карьера оставался тёмным пятном.

— Одной машиной, — повторил он. — Любая машина может сломаться. Или её можно перенастроить.

— Для этого у нас есть вы, — легко сказал Архитектор. — И Люменто.

Юрист вмешался, словно боялся, что разговор уйдёт слишком далеко от повестки:

— Давайте конкретнее. Что мы делаем с существующими учреждениями? Стены не в счёт, речь о людях.

— Люди уже классифицированы, — ответил Архитектор. — Приговоры вынесены судами по старым правилам. Мы не пересматриваем их. Мы меняем только геометрию.

Он вывел на экран таблицу:

СЦЕНАРИЙ: ПЕРЕВОД ОСУЖДЁННЫХ В ЕДИНЫЙ КОНТУР
ОЖИДАЕМОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ИНДЕКСА СЧАСТЬЯ: +4,7%
ОЖИДАЕМОЕ СНИЖЕНИЕ РИСКА РЕЗОНАНСНЫХ СОБЫТИЙ: -63%

— Это — рекомендации Люменто, — сказал он. — Не приговор. Но если мы говорим о минимизации суммарной боли...

— Люменто не чувствует боли, — перебил Мастер. — Она считает.

В комнате повисла пауза. Архитектор чуть улыбнулся:

— Именно поэтому мы ей доверяем. Люди слишком хорошо чувствуют свою боль и слишком плохо — чужую.

Юрист откашлялся.

— Коллеги, давайте вернёмся к конструкции, — сказал он. — Модель рекомендует. Решение принимаем мы. Мастер, вы смотрели предварительный проект контура?

Мастер переключил свой экран в общий режим. Серый сектор карьера распался на кольца и сектора. Внешний пояс — бараки и склады, средний — техзоны, ближе к центру — квадрат, помеченный как «Узел».

— Технически это возможно, — сказал он. — Мы можем завести сюда все потоки: людей, отходы, энергию. Сделать так, чтобы Предел жил на том, что город не хочет видеть. На остатках.

— Отходы? — поднял бровь юрист.

— Пищевые, промышленный лом, списанные модули, — перечислил Мастер. — Всё равно надо где-то хранить и утилизировать. Здесь можно совместить. Меньше трасс, меньше утечек.

Архитектор кивнул:

— Мы давно искали для этого место. Люди не любят видеть мусор. И не любят видеть тюрьмы. Решаем два социально значимых вопроса разом.

— И создаём точку, где будут концентрироваться и мусор, и люди, которых вы туда сложили, — сказал Мастер. — Нам придётся заранее подумать, как сделать так, чтобы из этой точки ничего никогда не вышло.

— Периметр, — отмахнулся кто-то из силовиков.

Мастер покачал головой.

— Периметр — это про побег. Я говорю о другом. Если вы хотите, чтобы внутри никогда не возникла сила, способная вернуться наверх, вы должны думать не только о стенах. О среде.

Он увеличил внутренние кольца.

— Свет, вода, воздух, возможность скапливать ресурсы, возможность передавать знания. Если оставить их свободными, через десять лет вы получите не полигон, а маленькое государство. Со своими правилами, своими легендами и своей статистикой боли, которая вам не поддается.

Архитектор слушал внимательно, чуть наклонив голову.

— Продолжайте, — сказал он.

Мастер провёл пальцем по схеме, отмечая.

— Минимум прямого солнца. Никаких больших закрытых пространств без контроля. Никакой устойчивой репродукции — в первую очередь по мужчинам. Ограниченные каналы доступа к железу, которое не поддается учёту.

— Звучит... жестоко, — заметил юрист.

— Это ваш Предел, не мой, — ответил Мастер. — Я лишь говорю, как сделать так, чтобы он никогда не вырос вам на голову.

Архитектор взглянул на индекс. Зелёный сегмент на красном фоне почти не изменился, но внизу уже светилась новая строка:

ПРОГНОЗ ИНДЕКСА СЧАСТЬЯ ЧЕРЕЗ 5 ЛЕТ (ПРИ СОЗДАНИИ ПРЕДЕЛА): 23,4%

Цифра была красивая. Слишком красивая, чтобы не захотеть в неё поверить.

— Мы всё равно к этому придём, — тихо сказал он. — Либо сами, либо через череду катастроф. Разница только в том, сколько людей умрёт по дороге.

Он повернулся к Мастеру:

— Вы можете настроить эту машину так, чтобы она держала контур? Чтобы Предел был... безопасен для города?

Мастер посмотрел на серые кольца, на пустой квадрат Узла в центре.

— Могу, — сказал он. — Но тогда вам придётся честно признать, что вы строите не тюрьму. Вы строите фильтр. И что всё, что туда попадёт, оттуда уже не вернётся.

Юрист вздохнул:

— В протокол так не запишешь.

Архитектор снова посмотрел на индекс. Зелёный язык, прячущийся внизу, казался тоньше человеческого ногтя.

— В протокол мы запишем, что Предел — это временная зона коррекции для тех, кто уже причинил непоправимый вред, — произнёс он. — А остальное... остальное оставим между нами и Люменто.

Где-то в глубине системы, на невидимом сейчас экране, уже формировалась новая строка:

**РЕКОМЕНДАЦИЯ: КОНЦЕНТРАЦИЯ ВЫСОКОГО РИСКА В ОДНОМ КОНТУРЕ.
ОЖИДАЕМОЕ СНИЖЕНИЕ СУММАРНОЙ БОЛИ — ДОСТОВЕРНО.**

Пока это были просто буквы и цифры. Никто в комнате ещё не думал о том, как будет выглядеть жизнь внутри этих серых колец через пять, десять лет. Как будет звучать воздух под куполом. Как будет пахнуть мусор, на котором вырастут те, кого называли «остатками».

Предел пока существовал только на экране. Но город уже начал дышать легче.

Глава 2.

Предел на схемах выглядел честнее, чем люди, которые о нём спорили.

На экране перед Мастером кружились аккуратные кольца: периметры, сектора, потоки. Всё подчинялось логике — энергия сюда, отходы туда, люди по маршрутам, как ток по проводам. В таблицах не было ни крика, ни грязи, только цифры и допуски.

На реальной земле бывшего карьера всё было иначе. Контейнеры ложились неровно, бетон расплзался по мусору, сварные швы трещали ещё до того, как остывали. Вместо чистых окружностей на плане получался скособоченный набор стен и переходов, который инженеры успокаивающе называли «контуром».

Мастер не прикасался к бетону. Он двигал линии на экране, пересчитывал нагрузки, выравнивал перекосы в цифрах и заодно отмечал, где реальность опять отстаёт от чертежей. Для него Предел пока был задачей: сложной, неприятной, но в принципе решаемой.

Он отложил планшет и перевёл взгляд на серый провал будущего периметра.

Снизу поднимался запах сырого бетона, горелой изоляции и старого мусора. Краны переносили ободранные блоки, укладывали их в новый внешний пояс. Старые надписи на контейнерах — «МЯСО», «ХИМРЕАГЕНТЫ», «ВЕРХ» — один за другим исчезали под свежими пятнами краски. В отчётах это называлось «вторичное использование материалов».

— Логистика идеальная, — сказал рядом техник из подрядной конторы. — Всё, что город не хочет у себя видеть, падает сюда. Люди, мусор, железо. Одни рельсы, минимум плеча.

Мастер промолчал. На его схеме через этот же узел проходили три разных слоя: поток заключённых, поток отходов, поток энергии. Любой инженер знал, чем кончается, когда слишком много разного завязывают в одну точку.

— У вас сходятся в одно горлышко люди и отходы, — сказал он, не оборачиваясь. — Если что-то пойдёт не так, тонуть будут вместе.

— Для этого и строим фильтры, — отозвался техник. — И сверху, и снизу.

Фильтры. Хорошее слово для того, что в реальности выглядело как ряд ржавых баков и бетонных ванн в нижней части карьера. По плану через них должны были прогонять сточные воды Предела и часть жидких отходов сверху. По факту туда уже ссыпали всё подряд: цементную пыль, шлак, промасленное тряпье.

Мастер отметил себе координаты этих ванн и провёл от них тонкую линию к будущим баракам. Просто, чтобы не забыть.

*

На временной смотровой площадке Архитектор снова раскрыл карту города. Серый сектор Предела теперь был обведён жирнее, внизу к нему добавилась мелкая подпись:

СТАТУС: СТРОИТЕЛЬСТВО. ГОТОВНОСТЬ 28%

Рядом висела другая панель — общегородская. Индекс счастья поднялся до 2,1%. Маленький зелёный язык пока едва отрывался от нуля, но уже не выглядел совсем смешным.

— Люменго считает, что просто факт начала работ уже дал эффект, — сказал Архитектор. — Меньше новостей о побегах, меньше разговоров о тюрьмах. Люди чувствуют, что мы что-то делаем.

— Люменго считает по словам и цифрам, — ответил Мастер. — Пока вы больше говорите, чем строите.

— А вы? — спросил Архитектор. — Вы верите цифрам?

Мастер посмотрел на серый сектор.

— Я верю в балансы, — сказал он. — Вы сами обозначили задачу: контур, в котором ничего не сможет вырасти выше нужного вам уровня. Ни страх, ни сила. Если вы выносите в одно место всё, что вам мешает, это место становится вашим самым слабым звеном. Даже если вы его не видите с ваших крыш.

Архитектор на секунду задержал взгляд на нём, будто сверяя сказанное с тем, что уже звучало на предыдущем заседании.

— Поэтому нам и нужен хороший инженер, — тихо сказал он. — Чтобы слабое звено оставалось под контролем.

Он говорил ровно, без напора, как о чём-то уже решённом. В его картине мира Мастер был просто ещё одним ресурсом — редким, ценным, но ресурсом. Инструментом, который поможет выровнять контур.

Мастер снова взглянул вниз, на котлован.

Там уже намечались три кольца: внешний пояс барачков из контейнеров, средний пояс будущих свалок и техзон, маленький пустой квадрат центра, где когда-нибудь поставят Узел. Где-то между ними, на уровне, который сейчас был просто кучей битого кирпича и грязного снега, потом будут жить люди.

Он пока не знал их лиц и голосов. Знал только, что в любом замкнутом объёме со временем появляются свои течения, свои низины и отмели. Даже если сверху очень стараются всё перемешать.

*

Первый фрагмент купола начали собирать через месяц.

Это были не красивые прозрачные панели из презентаций, а куски старых солнечных батарей, матовые щиты, списанная архитектурная кожа с торговых центров. Их крепили к грубым ферменным дугам, растягивающимся от края карьера к центру. Пока конструкция напоминала скелет вымершего зверя, который тянулся над будущей зоной.

Мастер следил за тем, как меняется свет. Днём на дне карьера стало чуть темнее, как в комнате, где занавесили окна серой тканью. Прямых лучей стало меньше, тени размазались, воздух приобрёл тусклый, выцветший оттенок.

— Вы просили среду, которая не даёт ничему расти, — напомнил он Архитектору, когда они стояли под первой замкнутой дугой. — Меньше солнца — меньше сил. Меньше горизонта — меньше планов.

Архитектор посмотрел вверх, на сетку панелей.

— Это компромисс, — сказал он. — Мы не превращаем Предел в подземелье. Но мы и не даём ему жить тем же светом, что городу. Иначе между ними не будет границы.

— Граница у вас по индексу, — сказал Мастер. — Здесь вы считаете по одному, наверху — по другому.

Архитектор не стал спорить. Он снова взглянул на панель с цифрой 2,1 и тонкой зелёной полоской.

— Когда индекс поднимется до десяти, — сказал он, — никто не будет вспоминать, как именно мы это сделали. Люди не любят детали. Они любят ощущение, что им стало легче дышать.

Мастер посмотрел на котлован.

Там, внизу, будущим жителям Предела предстояло дышать другим воздухом — прогнанным через фильтры, разбавленным запахом старого мусора и сырого бетона. Для тех, кто наверху, это будет просто ещё одна строка в отчёте: «кривизна распределения боли — в пределах допустимого».

Глава 3. Первые

Грузовики заезжали в Предел так, будто сдавали металлолом.

Шлагбаум поднялся, створки ворот прошипели и разошлись. Холодный воздух под куполом ударил по тентам, приглушая звук моторов. Запах был чужой: сырость, ржавчина, старый мусор и что-то сладковато-гнилое в глубине.

— Сидеть, пока не скажут, — бросил конвоир в темноту кузова.

Этого хватило. Этих людей один раз уже проговорили в приговорах; Пределу текст не нужен.

Когда тент дёрнули вверх, никто не рванулся. В таких местах научены: кто первым суётся — тот первым ловит. Вставали по трое, по четверо, шурясь на серый свет.

Над ними было небо из железа.

Рёбра купола, матовые панели из старых щитов и солнечных батарей. Свет фильтровался через них, становясь плоским и вялым, как вода, налитая третий раз в ту же кружку.

— Вот это х***, — протянул кто-то, задирая голову.

— Опусти, — буркнул сосед. — Челюсть потеряешь — некому подбирать.

Бетон под ногами хрустел — под ним хранились слои старого карьера, мусора и неудачных заливок. Сбоку, вдоль площадки, тянулись бараки: ровные ряды контейнеров, ещё без надстроек. Чуть дальше темнели груды железа — будущая свалка, пока просто куча.

Конвоиры быстро сверяли списки с браслетами. Индикаторы мигали зелёным — товар доставлен.

— Всё, — сказал старший, закрывая планшет. — До сюда вы были нашей головной болью. Отсюда — своей.

— А тут кроме нас вообще кто-нибудь есть? — спросил кто-то из молодняка.

— Система, — ответил конвоир, даже не глядя. — Ей вы и нужны.

Грузовики по одному развернулись и ушли обратно. Ворота стянулись, как рот, в который ещё недавно засовывали ложку.

Тишина, которая осталась, была не тишиной. В ней слышался гул: глубоко, низко, где-то под бетоном. Насосы, вентиляция, дальние удары по металлу. Предел дышал, просто ещё никто не понимал, чем.

*

Пауза держалась ровно до первого хриплого:

— Ну чё, уроды. Приехали.

Говорил здоровяк с переломанным носом и шрамом через губу. Голос — как наждачка.

— Это и есть ваша дыра? — спросил молодой, кивнув на бараки.

— Наша, — поправил здоровяк. — Твоих дыр там больше нет.

Он ткнул подбородком куда-то вверх, над куполом.

— Вода где? — вмешался сухой мужик с выбитыми зубами. — Или тут сразу на сушку?

— Иди, понюхай стены, — отозвался кто-то сзади. — Может, потечёт.

— Слышь, давайте без ц***а, — здоровяк повернулся, глядя прямо. — Кто кран увидит — орёте. Пока так.

Он говорил без понтов, но так, будто к этому привыкли. Народ, сам того не замечая, начал смотреть на него чаще, чем на остальных.

*

Бараки встретили их холодом и пустотой.

Внутри — только металл. Нары из листового железа, прикрученного к каркасу. Вмятины, сварочные швы, пятна старой краски. Узкие щели под потолком вместо окон, за сеткой — те же рёбра купола, только в рамке.

— Свежак, х***, — пробормотал кто-то. — Даже не провоняло ещё.

— Ничё, быстро пропитаем, — отозвался другой. — Дышите глубже.

Они расселись на автомате. Старые сидельцы забирали углы и места, где видно и дверь, и половину барака. Молодые — то лезли туда же, то отскакивали, когда взгляд наткнулся на них слишком жёстко.

— Ты куда, б***ь? — здоровяк одной рукой отодвинул худого подростка с его нары. — Это мой угол.

— Да я... — тот сглотнул. — Я ж первый подошёл.

— Первый будешь на раздаче, — спокойно сказал здоровяк. — А здесь — второй. Понял?

Подросток замялся, потом кивнул и отошёл. В Пределе он ещё не жил, но язык силы уже понимал.

*

Труба загудела без предупреждения.

В дальнем углу барака, в стене, что-то щёлкнуло, и из приваренного колена пошла тонкая рыжая струя. Сначала один, потом двое, потом вся толпа дёрнулась к ней, как зверь к запаху.

— Э, не пихайся! — заорал кто-то, получив локтем в горло. — Видишь, люди стоят!

— Ты мне тут людей не рисуй, — ответили ему, хватая за ворот. — Сам такой.

Здоровяк протиснулся ближе, упёрся спиной в стену.

— Спокойно, м***ки! — рявкнул он. — По два глотка на рыла, и все живые.

— А ты кто, б***ь, такой? — дерзко кинул молодой. — Староста?

— Я тот, кто тебя об***, если меня обольёшь, — ровно сказал здоровяк. — Вставай за мной. Мозг включи.

Молодой поморщился, но встал. За ним — ещё двое. Очередь родилась сама, без табличек и номеров.

Вода шла рывками. Кто успевал — сглатывал жадно, кто нет — облизывал ладони, перехватывая чужие капли.

— Запоминайте, народ, — сказал здоровяк, когда труба снова захрипела и замолчала. — Здесь кто успел — тот и умный. Остальные — статистика.

*

Драка случилась на второй подаче.

Труба ещё не успела толком набрать давление, а один уже полез через головы.

— Я тут стоял! — рванулся тот, кого оттеснили.

— Ты там лежал, а не стоял, — ответил ему другой и впечатал в стену.

Дальше всё пошло быстро: плечо, кулак, колено, мат. Металл глухо отзывался на удары.

— Да хорош, б**ь! — кто-то из задних попытался мирить. — Щас трубу **нём, вообще без воды останемся!

— Пусть бьются, — сказал здоровяк, не двигаясь. — Быстрее сообразят, где живут.

Один упал, захрипел, держась за рёбра. Второй, тяжело дыша, подошёл к трубе, подставил ладони под струю.

— Чё, смотрим, да? — зыркнул он. — По очереди ж.

— Вот, — лениво проговорил здоровяк. — Учебка. Влезешь без слова — будешь потом зубами по полу воду собирать.

*

Ночью выяснилось, что здесь нет ни подъёма, ни отбоя.

Свет не гас. Он ломался. Лампы уходили в грязный полумрак, потом внезапно вспыхивали до режущей белизны, потом снова тлели. Часы здесь были чужие: система меняла ритм так, чтобы никто не попал под привычку.

За стенами барака Предел жил своей шумной жизнью. Глухие удары по металлу, далёкий треск, короткие крики — не всегда от боли. Купол собирал эти звуки, перемалывал и возвращал обратно тусклым эхом.

— Это чё, они свет забыли выключить? — пробурчал кто-то, закрывая лицо рукой.

— Здесь отбой один, — ответил сосед. — Как сложили — так и всё.

Это уже почти не звучало как шутка.

*

«Утро» — если так можно назвать момент, когда вода пошла в третий раз — показало Предел снаружи.

За бараками мир не заканчивался. Пока что — ровными рядами и широкими пустыми проходами между ними. С одной стороны тянулась свалка: груды железа, контейнеры, перекошенные балки. С другой — виднелись стены техзон, ещё голые.

— Пусто как в ж***, — сказал кто-то.

— Ничё, на***чим, — ответил другой. — Долго пустым не будет.

У свалки уже крутились первые смельчаки — обнюхивали железо, пробовали, что к чему.

— Слышь, малой, — окликнул худой с быстрыми глазами пацана. — Руки есть?

— Есть, — насторожился тот.

— Будешь таскать мне железо со свалки — я тебя к трубе держать буду. Без очереди. Норм?

— А если обманешь? — огрызнулся пацан.

— То ты дурак, — вмешался здоровяк. — Сначала смотри, к какому г***ну в руки идёшь. Потом уже воду пей.

Рынка как места ещё не было. Но первый обмен уже случился. Завтра к этому худому подойдёт ещё кто-то, послезавтра вокруг него будет маленький круг. Через месяц здесь появится слово «площадка», через год — «рынок». Пока это были просто люди, которые пытались сделать себе удобнее.

*

Где очередь — там драка. Это правило сработало быстро.

У трубы, у выхода, у свалки. Пока это были короткие вспышки — двое, трое, максимум пятеро. Но каждая оставляла на бетоне новые пятна, которые не успевали смыть.

После одной такой стычки у воды, когда двоих утащили к стене с отбитыми рёбрами, здоровяк сказал:

— Нам яму надо.

— Ты чё, арену решил мутить? — хмыкнул кто-то.

— Я решил, что оно всё равно будет, — спокойно ответил он. — Лучше пусть в одном месте. И чтоб видно было.

Пока это была просто фраза. Но место у свалки, где драк было чуть больше, чем в других, уже начинало отличаться. Люди туда сами чуть чаще сворачивали посмотреть.

Предел только начинал обрастать своим хаосом. Первые конструкции и «правила» ещё были в голове, а не в металле. Стены стояли ровно — привычки уже косились.

*

Где-то наверху, далеко за куполом, аналитик докладывал ровным голосом:

— Предел: первая партия размещена, внутренние взаимодействия начались. Модель фиксирует локальные конфликты за ресурсы, динамика боли остаётся в пределах допустимого.

— То есть контур сам устроился? — уточнил представитель.

— Контур демонстрирует способность к самоорганизации, — ответил аналитик. — Разгрузка городского фона страха — подтверждается. Индекс счастья вырос до четырёх целых с небольшим.

Слова «самоорганизация» и «рост индекса» звучали чисто, почти приятно.

Внизу, под куполом, люди в этот момент ругались у трубы, делили угол и впервые приглядывались к свалке, как к месту, из которого можно будет вырастить себе кусок защиты.

Предел только начинал понимать, чем его будут заполнять.

Глава 4.

Первые дни Предел шумел, как сломанный вентилятор.

Звук был один и тот же — глухой, рваный, с песком на лопастях, — но внутри него смешалось всё: мат, кашель, удары по железу, плеск воды. Через неделю шум стал тише. Не потому что люди стали добрее — просто каждый нашёл себе угол, трубу, свалку или чью-то спину, за которую можно держаться.

Кран стоял у воды, как у станка.

Труба в углу барака снова хрипела, готовясь выдать свою рыжую струю, народ уже придвигался плотнее, но пока не лез. Здесь уже знали: пока Кран не скажет — толкаться смысла нет.

— По два глотка, как вчера, — бросил он, даже не оборачиваясь. — Кто лезет без очереди — пьёт через дырку.

Никто не уточнял, в чём именно будет дырка. Пару дней назад один уже попробовал — потом лежал на нижней шконке, дышал свистом и пил из ладони, потому что наклониться нормально не мог. Его хватило, чтобы правило запомнили.

Труба дёрнулась и выплюнула первую порцию воды. Очередь пошла сама собой: двое сделали по глотку, отступили, подались следующие. Кран просто стоял так, чтобы видеть и трубу, и вход, и тех, кто любит делать вид, что их тут не касаются общие договорённости. В этом было больше работы, чем в любой его старой «охране склада»: здесь склад шёл к тебе сам, вцеплялся руками и пытался пролезть раньше других.

Где-то на другом конце сектора уже начиналась другая история.

Еду сюда не носили аккуратно — её скидывали. В определённое время сверху глухо бухали ящики, один раз из них даже посыпались какие-то чужие наклейки: «ГОДЕН ДО» и

длинные цифры, которым здесь уже никто не верил. Первый раз народ бросился к ящикам, как на пожар: рвали картон, дрались за каждый пакет, кто-то остался под ногами.

Во второй раз появился Гладкий.

Он не кричал. Просто вошёл в круг, когда первые уже сцепились, взял за плечи двоих, что мешали ему пройти, и развёл их так, как будто раздвигает занавес. Один полетел на спину, ударился головой о бетон и затих. Второй попытался что-то сказать — получил ребром ладони по горлу и тоже осел, хватая воздух.

— Стой, — сказал Гладкий тому, кто уже тянулся к открытому ящику.

Голос у него был ровный, без хрипа, без надрыва. Как у человека, который только что проснулся, умылся, выпил кофе и теперь вышел на работу. Он даже здесь умудрился выглядеть чистым: волосы приглажены, на форме минимум пятен, лицо без единого шрама. На таком безумно хотелось оставить отметину — и именно поэтому многие не решались.

— Кто трогает, пока я не посмотрю, — продолжил он, — будет жрать через трубку. Если доживёт.

Он взял первый пакет, разорвал, понюхал, лениво бросил одному из своих. Второй пакет швырнул на пол перед ближайшим худым, который до этого пытался пролезть вперёд.

— Лижи, — сказал Гладкий. — Хотел первый — будь первый.

Худой замер, глядя на кашу, размазанную по бетону. Вокруг было слишком тихо, даже Предел, казалось, выдохнул и прислушался. Где-то далеко гудели насосы, под куполом звенел стальной воздух.

— Не хочешь — другой будет, — так же спокойно добавил Гладкий и чуть повернул голову, будто присматривая нового добровольца.

Худой опустился на колени и потянулся языком к полу. В этот момент у ящиков окончательно стало понятно, кто здесь главный.

До воды слухи долетели быстро.

К вечеру у трубы уже шептались: «Там один появился, Гладким зовут. Жрёт чужой страх, как десерт». Кран слушал краем уха. Не потому, что боялся — потому что понимал: в любом замкнутом месте долго не живёт один центр. Если кто-то забрал себе еду, рано или поздно он захочет проверить, чья здесь вода.

Кран услышал имя не от своих.

Его люди пока были заняты выживанием, а не сплетнями. Слух принёс пацан, тот самый, которому Кран однажды уступил глоток, когда тот еле стоял на ногах. Пацан умел размазывать по углам так, что его считали частью стены.

— Там этот... Гладкий, — выдохнул он, когда очередь уже разошлась и труба захрипела вхолостую. — У жратвы. Людей ломает как... как пустые коробки.

Кран сел на нижнюю шконку, вытянул ноги.

Спина ноющая, левое плечо потянуто ещё с первого дня, когда пришлось одним ударом объяснять, сразу троим, что такое «по двое глотков». Он молча смотрел на пацана, пока тот не перестал ёрзать.

— Ломает — это как? — спокойно спросил Кран.

— Ну... — пацан сглотнул. — Не просто бьёт. Показывает. Чтобы остальные видели. Одному горло перекрыл, второй лежал — не шевелился. А одного заставил... — тот запнулся, вспоминая, как худой лизал с бетона. — Короче, ему нравится, когда на него смотрят.

Кран кивнул.

Таких видел и наверху, ещё до Предела: те, кто делал боль громкой. С ними жить можно, если вовремя понять, как они работают, и не вставать на их сцену без надобности.

— Еда вся у него? — спросил Кран.

— Почти, — пацан оживился. — Он со своими стал первым под ящики, а кто встрял — тех... Ну, ты понял. Теперь те, кто поживее, к нему за крошками бегают. Типа, «дай, Гладкий, я тебе...»

— Понял, — сказал Кран.

Он поднялся, подошёл к трубе. Потрогал ладонью холодный металл, словно убеждаясь, что она всё ещё его. В Пределе свойство у вещей было простое: если ты не держишь их каждый день, они перестают быть твоими.

— Слушай сюда, — бросил он пацану. — Вода — наша. Пока труба дышит, сюда они не лезут. Если кто-то придёт от Гладкого и начнёт курлыкать, что ему «без очереди надо» — ведёшь его ко мне. Сам не геройствуешь. Понял?

— Понял, — быстро кивнул тот.

— И ещё. — Кран наклонился ближе. — Не носи мне страшилки. Мне цифры нужны. Сколько их там, во сколько сброс, кто с ним стоит. Страшно тебе или нет — мне по барабану.

Пацан опять кивнул, уже серьёзнее.

*

Наверху на панели цифр было куда больше, чем слов.

Мастер сидел перед двумя экранами: на одном — схема Предела с мигающими точками событий, на другом — таблица с логами: время, сектор, тип происшествия, предполагаемая причина. «Конфликт за ресурс», «телесное повреждение», «вмешательство группы».

— Смотри, — аналитик поводил пальцем по диаграмме. — У тебя вот здесь пик. Третий день подряд. Сектор сброса питания.

Красные столбики взлетали вверх именно в тот час, когда Гладкий внизу разворачивал свой цирк.

У воды тоже были отметки, но они выглядели иначе: короткие, плотные всплески, после которых шла длинная ровная линия.

— Здесь у тебя локализация, — продолжал аналитик. — Один узел, одно лицо влияния. Много шума, но общая динамика — в допуске. А вот здесь... — он ткнул в воду, — здесь интереснее. Конфликтов меньше, зато плотность скопления людей выше.

— Потому что там порядок, — сказал Мастер, скорее себе, чем ему.

— Как скажешь, — аналитик пожал плечами. — Люменто пока видит только распределение боли. Ей всё равно, от чего людям плохо — от хаоса или от дисциплины.

Мастер задумчиво смотрел на схему.

Точки событий собирались в два небольших облака: одно краснее — у сектора сброса еды, другое более тусклое — у воды. Как будто кто-то внизу уже за него нарисовал два узла, по которым распределяется жизнь.

— Что от меня хотят? — спросил Мастер.

— То же, что всегда, — пожал плечами аналитик. — Мы даём тебе данные, ты настраиваешь контур. Можно сдвинуть время сброса, можно развести потоки. Люменто предлагает разнести воду и еду по времени, чтобы уменьшить вероятность крупных вспышек.

Мастер усмехнулся одним уголком рта.

— То есть, пока они бьются за еду, вода стоит, скучает. Потом наоборот.

— Примерно, — не уловив иронии, подтвердил аналитик. — По моделям это снижает суммарную нагрузку. Боль распределяется равномернее.

Слово «боль» прозвучало так же буднично, как «нагрузка на сеть».

*

Внизу, под куполом, боль распределялась по-своему.

У воды кто-то уже пытался шутить:

— Слышали, там новый шеф по хавке, Гладкий. Ща придёт, скажет: «Пьём только за меня».

— Пусть придёт, — ответил один из людей Крана, проверяя взглядом вход. — У нас тут чужая жажда не котируется.

Кран слушал молча. Он не собирался объявлять войну. Война — это когда у обеих сторон есть выбор. У Предела выбора не было: здесь любая драка за ресурс, рано или поздно, превращалась в чью-то смерть. И в новую отметку в чьей-то таблице наверху, где боль сводили в аккуратные проценты.

Глава 5.

Индекс счастья рос так, будто ему пообещали когда-нибудь добраться до сотни.

Сначала цифра 10% висела в презентациях как дальний, почти декоративный ориентир, потом тихо перешагнула её, закрепились выше и пошла дальше. Горожане привыкли смотреть на столбик утром так же, как раньше на прогноз погоды: плюс полпроцента — значит, где-то стало чуть легче дышать.

Предел на этих панелях усох до значка.

Серое кольцо на краю схемы, тонкая зелёная полоска внизу и короткая подпись: «Фоновая боль: в норме». Раньше под ним открывался отдельный блок: заполняемость, этапирование, типы инцидентов, графики по секторам. Теперь, чтобы добраться до этих деталей, нужно было специально провалиться внутрь отчёта. Почти никто туда уже не заходил.

— Внешних резонансных событий нет, — ровным голосом говорил аналитик. — Предел не создаёт информационных всплесков. Внутренние конфликты — в пределах модельного коридора. Индекс по городу продолжает расти.

На большом экране красная линия первых месяцев уходила влево, в серую зону «истории».

Ближе к настоящему график выглядел прилизанно: мелкие зубцы, быстро возвращающиеся к ровной базовой линии. Под ним аккуратный текст: «Эффективность локализации боли: 9x%». Цифра менялась медленно, лениво, и в этом ленивом росте было что-то успокаивающее.

Мастер сидел чуть в стороне от стола, ближе к рабочим экранам, чем к чиновникам.

Для него Предел по-прежнему был не значком, а схемой: кольца, сектора, стрелки потоков. За год эта схема обросла подробностями. Там, где раньше значился просто «нижний пояс тех зон», вспухли дополнительные карманы, вспомогательные коридоры, запасные линии к фильтрам. Маршруты к Глотке стали толще — как на карте, которую слишком часто обводят поверх старых линий.

Логотип Люменто висел в правом верхнем углу экрана: неоновая дуга-индикатор, похожая на улыбку, разорванную в одном месте, и тонкий луч, уходящий наверх из разрыва.

Под ним тускло светилась надпись «ЛЮМЕНТО». За год город привык к этому знаку так же, как к дорожной разметке.

— Модель фиксирует выход Предела на устойчивый режим, — продолжал аналитик. — Пиковые нагрузки снижаются, средний уровень боли внутри контура стабилен. Для дальнейшего роста индекса рационально минимизировать ручное вмешательство оператора.

На следующем слайде таблица делилась на три колонки.

«Стартовый режим», «переходный», «автономный контур». В первой: ручное расписание сбросов, утверждение переводов, обязательные визиты инспекций. Во второй: смешанный режим, когда Люменто предлагала, а люди ещё щёлкали последними тумблерами. В третьей большинство строк состояло из одного короткого слова — «авто».

— Предлагается перевести Предел в режим автономного контурного управления, — сказал кто-то из чиновников, делая голос чуть торжественнее. — Без потери прозрачности по ключевым показателям, разумеется.

Слово «прозрачность» в контексте того, что скрывал купол, прозвучало почти как шутка.

Но никто не улыбнулся. Все смотрели на столбик индекса. Он рос. Там, где зелёная линия шла вверх, любые слова про «гуманность» и «ответственность» автоматически считались подтверждёнными.

Мастер перевёл взгляд на строку внизу таблицы:

«Критические решения: массовые переводы, смена конфигурации сектора, полная блокировка участка». Раньше рядом с каждым пунктом стояла приписка: «требуется утверждение оператора». Теперь эта строка тихо исчезла. В новой версии напротив тех же пунктов значилось: «по результатам анализа модели».

— Вы хотите убрать последнюю ручную отсечку? — спросил он, не повышая голоса.

— Это не отсечка, — мягко возразил начальник аналитической группы. — Это окно для субъективной ошибки. Мы держали его открытым на запуске. Сейчас модель стабильнее, чем любой из нас по отдельности.

Сравнение было знакомым и неприятно точным.

В энергосистеме, когда автоматика годами отработывала без сбоев, старые байпасы действительно убирали — на них могли случайно нажать, они превращались в слабое звено. Но там он видел, что именно происходит с током: перегрев, провал, всплеск. Здесь вместо проводов были люди, а вместо тепловой картинки — одна надпись «фоновая боль: в норме».

— При расхождении ваших ощущений и расчётов мы всё равно ориентировались на расчёты, — добавил чиновник, словно успокаивая. — Мы просто перестаём делать вид, что интуиция оператора — отдельный уровень экспертизы.

В регламенте, который положили перед Мастером, это было сформулировано аккуратнее.

«В целях минимизации совокупного ущерба приоритет решений модели над субъективными оценками операторов подтверждается». Далее шли пункты про энерго резервы, аварийные сценарии, обновлённую схему распределения ресурсов. Между ними, тоньше шрифта, сквозили фразы о «динамическом управлении контингентом» и «автоматическом реагировании на локальные пики боли».

Он уже знал, как выглядит подпись под такими формулировками: обычная линия, никаких внешних эффектов.

Щелчок происходил не в ручке, а где-то глубже, на уровне того, что раньше называлось «зоной ответственности».

Мастер взял ручку.

*

Под куполом Предела в это время никто не думал ни о каких режимах.

Вода приходила — или не приходила. Для тех, кто стоял у трубы, не существовало слов «автономный контур» и «минимизация совокупного ущерба». Был только собственный пересохший рот и бетон под ногами.

Труба в секторе Крана хрипела и плевалась по расписанию, которое уже вросло в мышцы.

Люди знали, во сколько надо быть на месте, чтобы не остаться с пустыми руками. Здесь по-прежнему ругались, толкались, иногда били — но редко до крови. Кран не любил лишних брызг у своей воды.

— По двое, — напомнил он, когда первая рыжая струя ударила в железо. — Иначе снова кого-нибудь придётся учить арифметике.

Год назад ему действительно пришлось объяснять правила руками.

Теперь хватало голоса и памяти. У трубы почти не осталось тех, кто считал, что можно пролезть «по особому праву». Те, кто пробовал, либо тихо поменяли привычки, либо теперь лежали ближе к зоне, где бетон был теплее — там, куда вели мешки к Глотке.

Сектор еды жил по своему календарю.

Ящики больше не падали в толпу, как мины. Их встречали люди Гладкого, аккуратно расставляли, вскрывали, сортировали. Снаружи это стало похоже на какой-то порядок. Внутри этого порядка ничего не изменилось: еда по-прежнему была способом показать, кто здесь решает, кому сегодня достаточно посмотреть на кашу, а кому придётся есть с пола.

Гладкий давно перестал вспоминать, что когда-то наверху спорили о «гуманности Предела».

Система была для него как купол: иногда трещит, иногда потеет, иногда чуть меняет температуру воздуха, но спрашивать, почему, бессмысленно. Он работал с тем, что падало в его сектор: пища, люди, слухи. Если в какой-то день сброс задерживался, он воспринимал это не как «решение модели», а как дополнительный инструмент: можно проверить, кто сорвётся первым, пока ждёт.

Свалка и Глотка были чем-то вроде кровообращения между ними.

На свалке крутились «металлисты» и посредники, там обменивали железо на защиту, воду на услугу, слух на короткий доступ в правильную очередь. Год назад один из таких пытался сделать свалку третьей силой, «честным рынком» между водой и едой. Теперь о нём говорили в прошедшем времени и чаще всего шёпотом.

— Снесло его, — говорили. — В туман ушёл.

«Туманом» здесь называли то, что выходило из Глотки.

Тёплый воздух с тяжёлым запахом, который поднимался, смешивался с остальным и через некоторое время переставал различаться. Мешки туда таскали регулярно — и с мусором, и с теми, кто больше никому не был нужен. За эту работу платили водой или крошками еды, но плату никто не называл лёгкой. Люди, которые часто ходили к Глотке, старели быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.